

Кругозор

3
1966

СЛУЧАИ НА ПРИИСКЕ

С. ЗИНИН

Фото автора

У него все, как у сверстников.
Мальчишка играет в футбол,
ловит рыбу,
и — верхом на сивку: но! но! —
и — в тайгу.

Зимой,
когда ненастный февраль
заметает школу по крышу
и почта от Копьева идет
на тракторе, —
зимой
звенит неунывающая лыжня
приисковых мальчишек.

Все как у сверстников:
отметки,
марки,
пионерский галстук...

Но...

Иногда он поднимает глаза
и глядит далеко-далеко.
Не разглядеть, что он видит...
Потому что не шутка —
начать жить на земле
второй раз.

ПРИКАЗ ПО САРАЛИНСКОМУ РУДОУПРАВЛЕНИЮ

В горах во время пурги был спасен от замерзания заблудившийся на охоте ученик приисковой средней школы Саша Марьясов (Кочкин). В розысках и спасении Саши Марьясова приняли участие пять групп лыжников. Действуя в горных условиях в сильную снежную пургу, когда скорость ветра достигала 40 метров в секунду и видимость была не более 10 метров, участники спасательных групп проявили высокую гражданскую сознательность и подлинный героизм, рискуя своей жизнью для спасения другой жизни.

Отмечая этот факт, приказываю: за участие в спасении ученика Саши Марьясова объявить благодарность с занесением в трудовую книжку товарищам:

АРАМАЧЕВУ А. Д. (бурильщику), **ПАХОМЕНКО В. Я.** (откатчику), **МОИСЕЕВУ А. М.** (зав. хозяйством), **ШУРЫГИНУ Л. В.** (физруку), **ДОБРОХОТОВУ В. Е.** (кузнецу гужтранспорта), **КУЛИКУ М. Д.** (проходчику), **НЕПОМНЯЩЕМУ Г. Н.** (взрывнику), **ГЕРЦУ А. И.** (горному слесарю), **ПРЕЙМАНУ В. П.** (взрывнику), **КОЧНЕВУ М. Д.** (бурильщику), **НИКОЛАЕВУ Ю. А.** (взрывнику), **СМИРНОВУ Б. Н.** (проходчику), **МИХАЙЛОВУ П. П.** (начальнику цеха), **ГЛАЗКОВУ Н. Н.** (пенсционеру), **ТЯГНИБОНУ М. И.** (командиру отделения), **КУРИЛЬЧИКУ Е. И.** (респираторщику), **ВАСИЛЬЕВУ А. А.** (взрывнику).

Вручить памятный подарок Саше Марьясову, проявившему стойкость духа и находчивость в обстановке смертельной опасности. Всем школьникам — быть осмотрительными в походах и вылазках. Но если случится попасть в беду, быть достойными своего товарища Саши Марьясова и тех, кто его спасал.

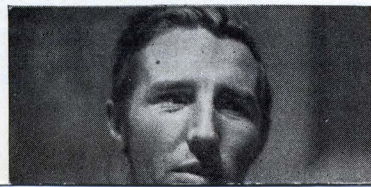
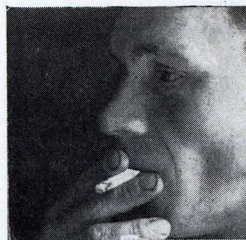
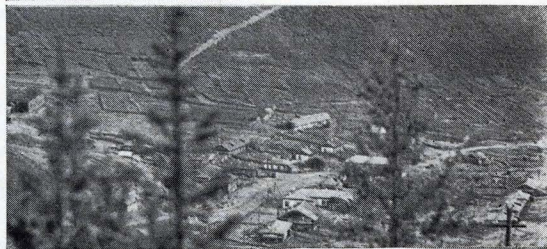
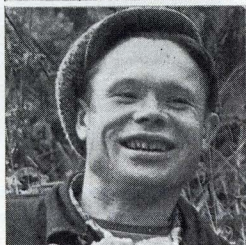
Красноярский край.

М. СТЕПАНОВ,
директор
рудоуправления

НА СНИМКАХ: ПЯТЕРО ГЕРОЕВ ЭТОЙ ИСТОРИИ.

М. Н. Степанов: «Не послать группы я не мог, а послать еще десятки людей не имел права — погибнуть могли все». **Леонид Шурыгин:** «Собачка, она, конечно, собачка, но тоже живое». **Александр Моисеев:** «Ножамы во льду ступеньки бьем и — вперед и вперед». **Александр Арамачев и Владимир Пахоменко:** «Ну что, наше дело соседское, ведь в одном доме живем».

И еще один герой — главный: маленький таежный поселок, где в каждом доме — мужество, душевная щедрость, доброта.

В кабине канатной дороги было тесно. Покачиваясь, кабина скользила вверх. Настаев смотрел в окно. Внизу, среди заснеженных берегов, катил хвойно-зеленый Баксан. Над рекой по склонам взбегали юркие тропинки.

— Лисица, смотри-ка, лисица!

— Где, где?

Все кинулись к окну. «Тихо, тихо, вагон перевернете!» — ворчит Настаев. Но сам тоже глазом влево носит: как там лисица?

У ствола к Настаеву подходит начальник одного из лучших участков проходки Осман Знаурович Кусов.

— Ну что, звонил? — спрашивает Настаев.

— Звонил. Не выходит ничего, Владимир Сохтаевич.

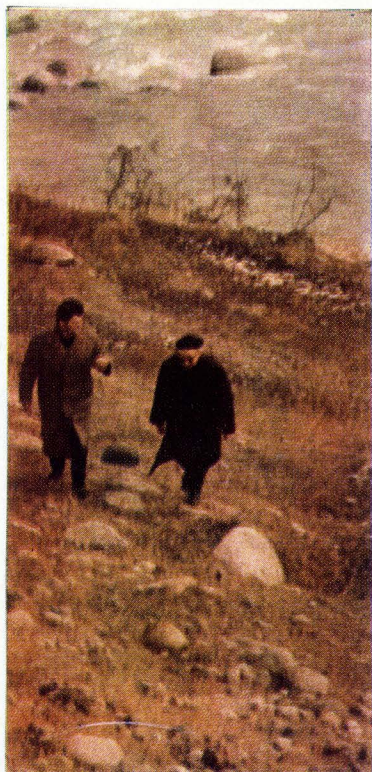
— Не выходит? Хорошо, я сам позвоню.

Жизнь — как монтаж кинокартины. Начало конфликта где-то в одном месте, середина — вот здесь,

— Как бы мне повидать
товарища парткома?
— Вечером зайдите. Днем он
на руднике.
Из разговора
в приемной парткома

ТОВАРИЩ

Б. СЕТКОВ

Фото
А. Лидова

в этом «хорошо, я сам позвоню», а развязка еще будет.

Настаев — секретарь парткома Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината. Я с ним познакомился давно, когда он еще не был ни секретарем, ни Владимиром Сохтаевичем, а просто Володей, альпинистом третьего разряда, которого в лагере «Ала-Арча» ценили за веселый нрав и искусство готовить на костре шашлыки. Впрочем, ценили-то его за другое...

У рудоспуска какой-то парень копается в коробке пускателя. Настаев хлопает его по спине.

— Как дела, Комсомол?

Комсомол поворачивает забрызганное мазутом злое лицо и расплывается в улыбке. Они жмут

друг другу руки и вдруг без всякого видимого повода начинают смеяться.

— Спасибо вам, Владимир Сохтаевич! — говорит Комсомол. — Век не забуду!

— Да чего там!

В этом эпизоде развязка уже состоялась. Сейчас, так сказать, аплодисменты под занавес. Мы идем дальше, но Настаев то и дело оборачивается, машет рукой, и Комсомол все держит над головой сомкнутые руки, словно собирается выполнить упражнение физзарядки «рубка дров».

Мы подходим к повороту и здесь расстаемся: Владимир Сохтаевич Настаев сворачивает к добытчикам, я иду к своим взрывникам в минный штрек.

Я иду и думаю о том, что вот этот гулкий и мокрый штрек и есть главный проспект города Тырнауза, города-шахтера, города-металлурга, выросшего вокруг комбината. Именно он, этот глав-

ный проспект, и дает стране металл, который нужен не только для земных целей. И все дела громадной семьи шахтеров стенояются к Настаеву. «Я педагог,— смеется Настаев,— и судья, и бухгалтер, и электрик, и обогатитель. И мореплаватель, и плотник. Ну, а если серьезно — надо было бы знать еще полтора десятка профессий. Но я не теряю надежды понять всех людей, которые доверили мне партийное руководство. Мне не ка-

жется, что моя работа кабинетная. Напротив. Ты ведь знаешь балкарскую мудрость: глаз, не увидевший за год ничего нового, может ослепнуть. Надо все время видеть новое, идти вперед!»

...Тогда, много лет назад, на ледовой стене пика имени Кирова сорвался Эдик. Сорвался и сорвал всех нас. Вся наша четверка, пролетев по льду восемьдесят метров,

повисла на одном-единственном крюке. Потрясенные падением, мы собрались на маленьком ледовом выступе. У всех в голове вертелось: надо отказаться от восхождения, спустимся вниз. Именно Володя Настаев сказал тогда: «Я думаю, надо идти вверх». Мы пошли вверх и через одиннадцать часов были на вершине...

Ты р ы а у з,
Кабардино-Балкарская АССР.

ПАРТКОМ

ИЗ ЗАПИСОК
ИНЖЕНЕРА-
ВЗРЫВНИКА

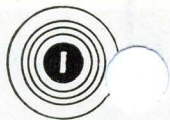
В. И. Ленин с группой сотрудников «Центропечати», работавших над записью его речей на пластинки.

Это был день среди других дней В. И. Ленина. Календарь был открыт на листке: 25 апреля 1921 года, понедельник. Вот что было 25 апреля, в год, когда запоминали каждый дождь.

Первые весенние дожди прошли в Московской губернии. («Коммунистический труд»).

Тут товарищ Ленин мне сказал, что, по научным предсказаниям, в 1921 году тоже не-

урожаем ждут. (А. И. Гусев. Из сборника «Воспоминания о Ленине»).

Рига, 25 апреля. По сведениям из Парижа, генерал Врангель согласился на ликвидацию своей армии. («Коммунистический труд»).

25 апреля в Италии должна начаться всеобщая забастовка. («Беднота»).

Сотня воблы сохранит овцу для хозяйства. («Беднота»).

Ремонт лампочек накаливания. Каждый изобретатель должен в присутствии комиссии отремонтировать 2 лампочки. Премия — 100000 рублей и костюм с головным убором и ботинками. («Правда»).

25 апреля, в 7 часов вечера в научно-техническом клубе МГСПС состоится 6 очередное товарищеское собеседование специалистов для деятелей техники, науки и профдвижения...

На вокзалах, в казармах, на заседаниях, в конторах, в цехах, в окопах, в кубриках, во дворцах и лачугах, над кровью, дымом, грохотом машин, надеждами, улыбками, делом — шесть лет это лицо, этот прищуренный глаз, кривой галстук, удивительный лоб мудреца.

Ю. Олеша. «Гудок»,
25 января, 1924 год.

Вступительное слово скажет проф. Крижановский на тему «Электрификация России». По окончании собеседования будут поданы трамваи. («Известия»).

В Рогожско-Симоновском районе на Андроньевской площади Первого мая будет поставлен «Эдип». («Известия»).

Марксистская теория подвела русских коммунистов к идее «динтатуры классово-сознательно-пролетариата», а затем внушила им представление — как мы теперь видим, весьма смутное, — что в России будет новое небо и новая земля. (Г. Уэллс, «Россия во мгле». Пометки сделаны Лениным).

Берегите газеты: их у нас мало. Прочитав, передай газету другому. (Постоянный лозунг «Известий», апрель 1921 года).

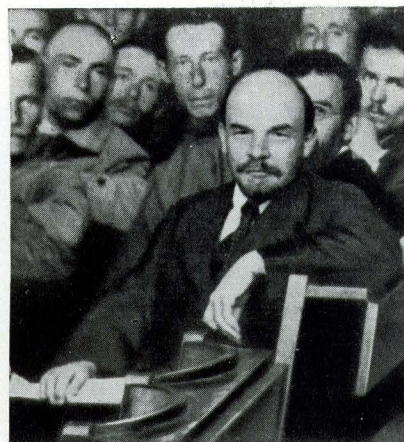
Благодаря замене разверстки продналогом, крестьяне получают избыток хлеба в свое распоряжение и будут свободно обменивать эти избытки на всякие продукты. (В. И. Ленин,

Ввиду крайней неопределенности вопроса о мерах борьбы с засухой прошу Вас сообщить Коммунистическому центру и всем членам ЦК (включая секретариат) о результатах Вашего размышления и составлении плана, к которому, если возможно, в С.М.О.

12. IV. 21. В.И.Л.

←
В. И. Ленин на заседании X съезда РКП(б). Март 1921 г.

→
В. И. Ленин среди делегатов X Всероссийской конференции РКП(б). 26—28 мая 1921 г.

25.IV.1921.

г. Ганецкий! В Ригу к Вам едут две мои секретарши:

- 1) Анна Петровна Кизас и
- 2) Наталья Степановна Лепинская.

Я обеих знаю по работе уже несколько лет. Преданность удивительная. Работа у меня каторжная: ни отдыха, ни праздника. Измаялись. Надо им дать отдых. Прошу Вас дать им вперед жалованье (и побольше) и затем не спрашивать с них работы. Пусть полетятся, отдохнут, подкормятся.

Привет! Ваш Ленин.

Лондон. 25 апреля. В Манчестере состоялась специальная конференция при участии около 150 делегатов коммунистической партии с целью окончательно санкционировать существование партии и принять новый устав... Резолюция... выражает солидарность с русскими рабочими и шлет привет германским рабочим. («Известия»).

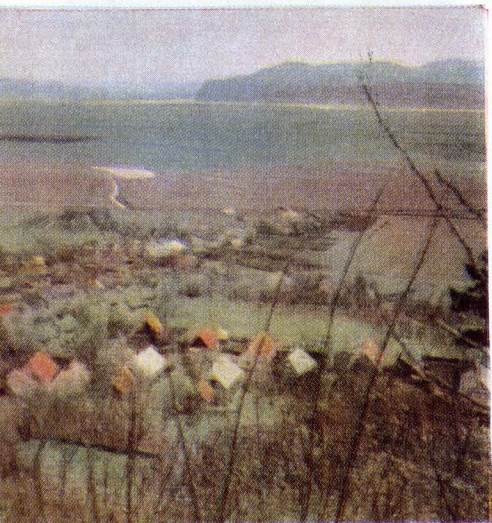
«О потребительской и промышленной кооперации», 25 апреля 1921 года. Речь, написанная для записи на пластинку.

С изготовлением пластинок Владимир Ильич нас всячески торопил: «Нужно во что бы то ни стало оповестить деревню»... Специальные крестьянские ходяки приезжали за пластинками, немедленно заходил в отделе граммофон, и речь Ильича производила потрясающее впечатление на крестьян. (Сборник «Воспоминания о Ленине»).

Рига, 25.4.21 г. Англия передала главному секретарю Лиги Наций для регистрации 4 договора, в том числе и торговое соглашение с Советской Россией. («Коммунистический труд»).

...В России будет новое небо и новая земля. (Подчеркнуто Лениным в книге Уэллса «Россия во мгле»).

ЛЕГЕНДА О ПЕРВОМ ТУРИСТЕ

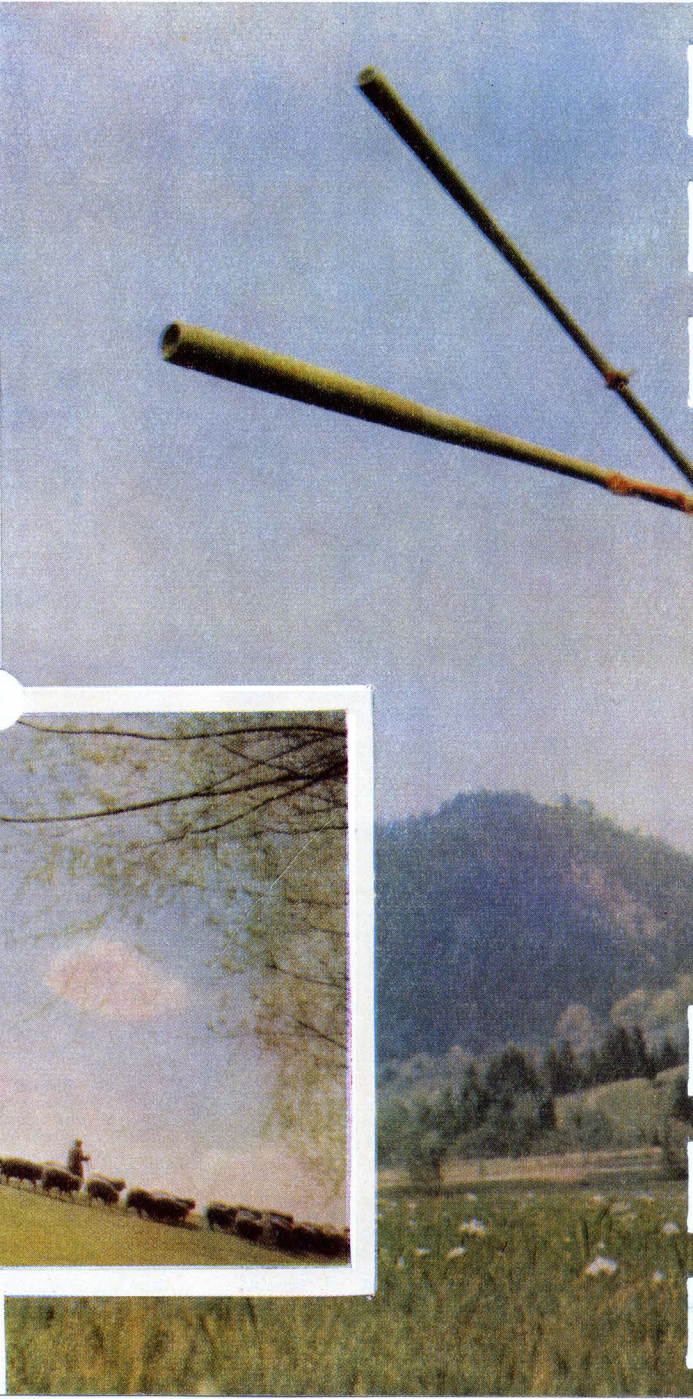
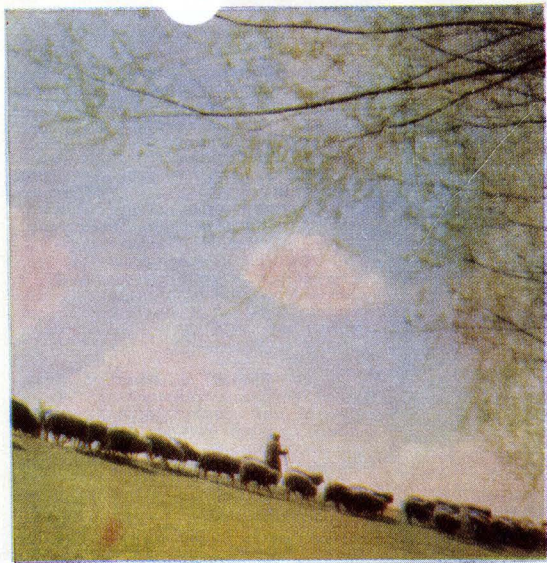
Ф. КРИВИН

Говорят, что древнегреческий бог Вакх провел свои последние дни в Закарпатье, куда был сослан за пристрастие к спиртным напиткам.

«Там есть камень, — напутствовали Вакха друзья-олимпийцы, — такой, что, если взобраться на него, откроется удивительный вид. Потому что этот камень лежит в центре Европы».

Когда доверчивый бог прибыл на место, он увидел чудесную страну, ставшую впоследствии селом Верхне Копане. Бог гулял по карпатским склонам, любовался стадами овец, беседовал с чабанами — потому что и овцы и чабаны уже были в те далекие времена. И может быть, одного не хватало ему — песен и музыки, к которым так привык бог веселья. Они еще не родились, brave парни с трембитами...

Впрочем, и того, что увидел здесь Вакх, было достаточно. И

он распрощался со своим увлечением и занялся полезным трудом, производя вино и обучая этому местных жителей. Вскорости бог умер, но дело его оказалось бессмертным и дошло до наших дней. Конечно, как вы понимаете, это не единственное занятие, которым увлечены сегодня закарпатцы. И тысячи туристов, ежегодно приезжающих в Карпаты, выносят отсюда гораздо больше впечатлений, чем тот первый турист, о котором мы рассказали.

А притча о камне, обозначающем центр Европы, сохранилась до наших времен, хотя никто не может сказать, какой же это именно камень. И если за последние годы горизонты закарпатцев весьма и весьма расширились, то произошло это совсем по другим причинам.

Ужгород.

На снимках:

Село Верхне Копане, колхоз «Прикордонник».

На пастбище.

Над Тиссой.

Юдина Сабо, солистка колхозного хора.

«Ваше здоровье!..»

Фото А. Геринаса
и В. Минделя

Когда уходит художник, после него остаются рукописи, воспоминания, письма, перестающие быть личной собственностью. Ждет своего издания и многогомоное собрание музыкально-критических работ и писем Сергея Прокофьева. Переведем несколько страниц этой будущей книги.

В чем проявляется талант? Вероятно, прежде всего в умении наблюдать...

Поездка была вдоволь ущелья внутрь страны по направлению к Клухорскому перевалу и Теберде. Здесь, говорят, венецианцы в четырнадцатом веке разбили Тамерлана, вернее, остановили один из его отрядов, ибо Клухорский перевал, как будто, единственный путь с Северного Кавказа к Черному морю. Через десять лет я подходил к нему с северной стороны, но не добрался до его вершины, так же как и в эту поездку... У меня есть заметка о том, что я мало увлекаюсь природой, а больше интересуюсь людьми, но дальше ущелья своими нависающими скалами произвело на меня сильное впечатление, и я «притих и замечтался». Природу и вообще деревню я полюбил, и крепко, гораздо позднее, лет в тридцать

пять — сорок. Мне нравились, например, крик петуха, запах дыма, запах лошадей, смешанный с махорной...

Это отрывок из автобиографии Сергея Сергеевича Прокофьева, описание поездки, состоявшейся летом 1908 года.

Следующие листки той же рукописи.

Собственноручное свидетельство композитора о его музыкальных привязанностях:

Мое первое самостоятельное путешествие было омычено известием о кончине Римского-Корсакова... Музыку Римского-Корсакова я очень любил, особенно «Китеж», «Садно», «Снегурочку», концерт для фортепьяно, «Испанское наприччио»,

следний раз я видел его, кажется, в мае, в консерватории: он только что вернулся из Франции, куда ездил, кажется, на постановку «Снегурочки»... Лицо его было сияющее и красивое... Да, красивое или, вернее, живописное. В дневнике у меня записано: «я любил его и думал: вот он, человек, достигший настоящего успеха и славы».

Незадолго перед тем Черепнин рассказывал:

— Когда французский оркестр репетировал «Снегурочку» в Париже (или в Монте-Карло), то оркестровым музыкантам до того нравился праздник в заповедном лесу, что они при втором проведении мелодии вдруг сложили свои инструменты и запели ее. Это был поистине волнующий момент.

Мне хотелось почтить кончину Римского-Корсакова, сочинив какую-нибудь пьесу.

Сергей Сергеевич даже набросал в дневнике нотную строчку мелодий, которая как бы характеризовала Римского-Корсакова. Но план этот, к сожалению, выполнен не был.

Замыслы композитора... Сколько их осталось не выполненными по разным причинам. Разбирая архив Сергея Сергеевича, его близкие и исследователи часто встречают записи, рассказывающие о планах великого мастера музыкальной композиции. Один из них — в телеграмме:

«Дирекция театра Горького. Носову.

Мог бы сделать «Мощарта», письмо следует.

Прокофьев».

Но мы почти ничего не знаем о том, что Прокофьев собирался писать музыку к пушкинским «Маленьким трагедиям».

А было так. В 1936 году Юрий Александрович Завадский руководил драматическим театром имени Горького в Ростове-на-Дону. Он начал репетировать «Маленькие трагедии» и обратился к Прокофьеву с просьбой сочинить музыку. Заведующий музыкальной частью театра Носов немедленно получил от Сергея Сергеевича при-

УЗНАВАЯ ПРОКОФЬЕВА

«Шехеразату», «Сказку». Лично с ним мне сблизиться не пришлось: в классе было множество учеников, из которых он меня не выделял. В по-

Рисунок О. Прокофьева, сына композитора.

веденную выше телеграмму. А вслед за этим — подробное письмо о том, как автор представляет себе работу над театральной музыкой.

Очень бы хотелось иметь от Юрия Александровича Завадского (он ставит?) самые детальные пожелания относительно музыки, лучше всего

экспликацию, разграфленную с музыкальной точкой зрения. Существенным моментом является ревиюм: у Пушкина Моцарт играет его на клавишине, но некоторые ставят его так, что клавишину перехватывается хором и оркестром в оригинальном изложении Моцарта. Это во многом зависит от режиссерского замысла.

В следующем письме Прокофьев объясняет, почему он выбрал именно эту трагедию.

Я потому выбрал «Моцарта и Сальери», что эта вещь была мною обдумана раньше. Взять же что-либо другое, например, «Каменного гостя», я, к сожалению, не смогу, так как тут пришлось бы начинать все с самого начала. А это, при моей заваленности работами, никак не удастся.

В числе работ, которыми загружен был тогда Сергей Сергеевич, были и первые записи музыки к «Ивану Грозному» — фильму, который через несколько лет поставит Эйзенштейн. Сохранился документ, рассказывающий, как работал Прокофьев вместе с Эйзенштейном.

Впрочем, теперь нужно послушать звуковую страницу журнала: это документ звучащий.

А. ШЕРЕЛЬ

Редакция журнала «Кругозор» благодарит Л. И. Прокофьеву и М. А. Мендельсон-Прокофьеву за предоставленные материалы.

ЗВУКИ НЕ ПРОПАЛИ

Г. КОВАЛЕВСКИЙ

Фото Л. Лазарева

В 1903 году немецкий изобретатель Вельте впервые продемонстрировал звукозаписывающий аппарат «Миньон» — разновидность механического фортепьяно. «С внешней стороны, — читаем в рекламном проспекте того времени, — «Миньон» имеет вид роскошного пианино... Если отнять крышку, то мы заметим целиком первоклассный инструмент без клавиатуры, который дает возможность передавать все музыкальные произведения не фонографическим путем, а прямо на струнах инструмента...»

Во время игры пианиста аппарат «Миньон» присоединялся к роялю и регистрировал удары молоточков рояля на бумажной ленте в виде перфорации. Затем включался мотор механизма, лента проходила через устройство, которое, «читая» запись, приводило в движение молоточки «Миньона».

«Миньон» удивительно точно воспроизводил самые виртуозные пассажи пианиста, но имел и большой недостаток: он не «записывал» сложные педали, оттенков piano и forte.

Новый аппарат произвел на современников ошеломляющее впечатление. «Наши звуки не пропадут теперь бесследно, и мы спокойно можем закрыть глаза со счастливой уверенностью, что наше индивидуальное исполнение сохранится бла-

годаря аппарату «Миньон» для будущего поколения, как духовно завещание», — писал в 1905 году пианист Эмиль Зауэр. А композитор Камилл Сен-Санс искренне сожалел, что этот аппарат не изобрели раньше: «А то бы мы могли теперь слушать самого Бетховена, Моцарта и Шопена».

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Она пела и девочкой. И когда была студенткой Института внешней торговли. Но тогда вряд ли, пожалуй, могла ответить на наш вопрос с такой определенностью, как сейчас. Профессионализм — не только мастерство, это — раскрытие сути ремесла. Профессионализм продиктовал Ирине Подошьян ответ на вопрос: что для вас главное в песне?

— Для меня эстрадный певец на сцене — человек, ведущий диалог с залом. Я не оговорила: диалог. Хотя ответных реплик и не слышишь, ты ощущаешь этот эмоциональный контакт. Значит ты, как собеседник, должен быть «оснащен» для такого разговора. Ты должен говорить о том, что прочувствовано и продумано, твоя убежденность и откровение должны превратить слушателя в соучастника и единомышленника. Для этого необходимо слово. Слово выразительное, единственно в данном случае верное, несущее мысль.

Музыка — эмоциональная одежда слова. Но она и второй полюс «вольтовой дуги»: в ее пламени рождается образ, который ты даришь залу. И если этот образ озаряет чувство, мысль — цель достигнута.

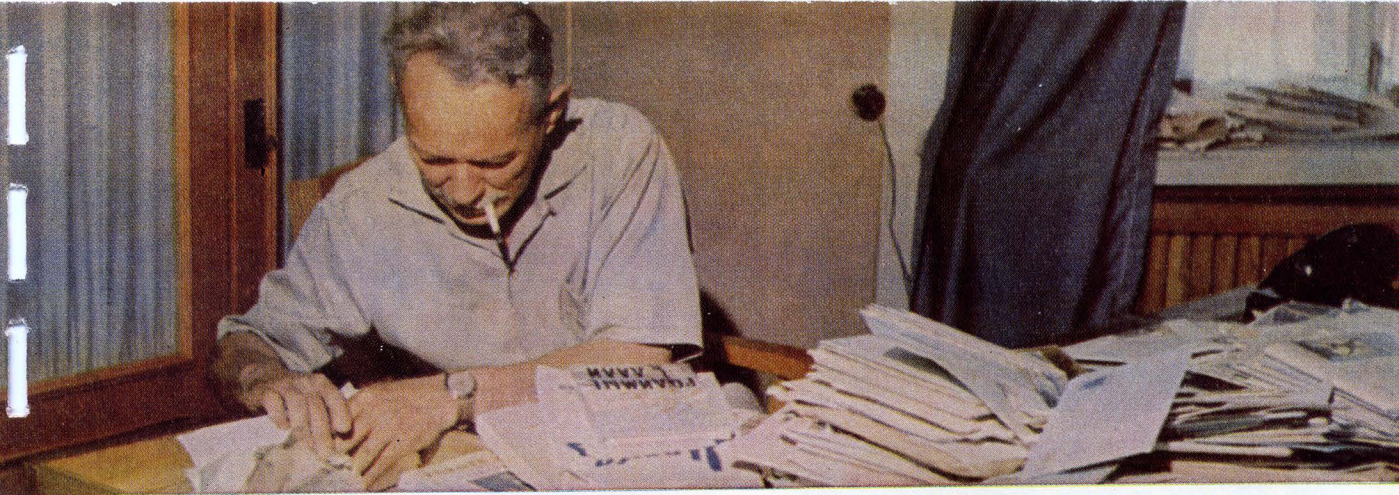

ВОЛЬТОВА ДУГА

Фото
А. Лидова

В свободную минутку —
с сыном Андрюшей.

СЛОВО О ДРУГЕ

Кайсын КУЛИЕВ

Фото Я. Ильина

Хотя с Михаилом Александровичем мы почти соседи, но встречаемся редко и случайно. Не это главное. Большой художник — всегда близкий друг каждому, кому дороги жизнь и культура. Я никогда не видел Сергея Есенина и Федерико Гарсиа Лорку, но они мои любимые друзья на всю жизнь. Чудо остается чудом для всех.

Выдающиеся книги — большие корабли: им ничем океаны с огромными просторами и яростными бурями. Но это сравнение верно лишь отчасти. Корабли редкостной мощи могут стать ветхими от времени. А такие книги, как «Тихий Дон», остаются навеки. Они остаются, потому что остается жизнь, потому что вечно будут жить люди с их борьбой и страстями, страданиями и победами, так верно и мощно выраженными могучим художником слова. Книги подобной силы останутся потому, что их авторы верны правде жизни. Это их первооснова, в этом их бессмертие.

Творчество Шолохова не нуждается ни в моих толкованиях, ни в моих похвалах. Думать иначе было бы наивно. Но о том, какой свет он излучает, не говорить нельзя. Когда речь заходит о современных романистах, многие литературоведы и критики часто пишут, что такой-то, мол, идет от Шолохова, а такой-то, мол, персонаж — вылитый дед Щукарь. Верно ли это, не берусь судить, но одно знаю несомненно: хорошо, когда каждый писатель похож на самого себя; хорошо, когда каж-

дый персонаж несет в себе только впервые открытые черты характера. Также верно и то, что выдающийся художник слова, живущий рядом с тобой, всегда является опорой и школой, в каком бы жанре ты ни работал. В трудный час ты как бы опираешься на его крепкое, испытанное плечо и твоя рука встречает его теплую ладонь. И опять-таки не для того, чтобы стать похожим на него, а чтобы почерпнуть у него уверенность большого мастера, оправиться от сомнения, всей грудью вдохнуть свежий воздух и идти дальше. Своей походной.

Художников, совершенно свободных от всякого влияния или опыта предшественников и старших современников, не бывает и не может быть. На свете все преемственно — от умения строить простую хижину до тонкостей запуска корабля в космос. Жаль, что некоторые литературоведы часто примитивно толкуют сложнейший процесс учебы и преемственность творческого опыта. Какая это сложная и тонкая вещь, каждый честный писатель испытывает на себе. Ни один из писавших о моих скромных книгах, например, никогда не упоминал о влиянии Шолохова. Это лишь потому, что я писал стихи, а не романы. Однако хочу сегодня с благодарностью признаться, что я много и старательно учился у Михаила Александровича.

Читая книги Михаила Шолохова, я учился глубинным вещам, таким, как принципиальность творческой позиции, как народность в подлинном смысле этого слова. Слишком близкой и горькой музыкой звучала для меня вся мощная симфония «Тихого Дона».

Мне понятны и духовно близки горячие натуры Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой, их порывы, заблуждения и страдания. Меня поражают могучесть, широта и поэтическая яркость несравненной шолоховской эпопеи.

С невероятной силой выразил Шолохов игру красок, разнообразие характеров, живое дыхание земли, ее ликование и стоны. Его пейзажи так

подлинны, что осязаемо чувствуешь каждую травинку, полдневный зной и свежесть рассвета. Физически ощущаешь задумчивый дождь или снегопад над хатами станицы, бурные ливни над широкими донскими степями. Все сверкает, переливается неповторимыми красками, пленяя и завораживая; все живое и сущее обретает свой точный облик. Каждый из огромного числа населяющих это произведение персонажей неповторим, ярко индивидуален.

Любители сиропов в литературе еще не вывелись, но мы помним завет Лермонтова: от чрезмерного употребления сладкого портится желудок.

В своей великой трагической поэме Шолохов не сделал ни малейшей уступки любителям сладенького в искусстве. Он показал жизнь и судьбы честно и необычайно выпукло, как большой мастер.

Взрывы изобразительности у Шолохова ошеломляюще прекрасны. Потому и веет на нас со страниц шолоховских книг такой редностной, знойной силой. Вот чему, по-моему, должны учиться мы у Шолохова, в то же время оставаясь похожими на самих себя. Трудно? Конечно. Но на свете ничто хорошее легко не дается. Думаю, что и самому Шолохову нелегко пишется. Любая река, независимо от ее размеров, несет свою нелегкую службу, как ей положено. В творчестве то же самое.

И прежде и в последнее время было немало споров и дискуссий о романе, дискуссий в международном масштабе. Спорили о том, что ново и что не ново, и может ли существовать роман в прежнем его понимании, выраженный нынешними средствами изображения, современными формами... Мне трудно вступать в спор со специалистами, но все эти теоретические баталии кажутся мне явно бесплодными. Сдается, что большое художественное творчество трудно укладывается в какие бы то ни было теоретические схемы. Оно рождается, как обвал, оно естественно, как летний ливень. У меня есть уверенность в том, что Шолохов создавал свои романы, не думая ни о каких теоретических схемах. А ведь книги его завоевали мир! Это было новое слово, подпираемое подлинностью жизни.

Хлеб пекут извечно, но никому не приходит в голову сказать, что этот великий процесс устарел. Вновь испеченный хлеб свеж каждый раз. Сколько ни живи, сколько раз ни смотри на снегопад или на побеги весенней травы — в каждом случае это ново, каждый раз это — чудо.

То же самое море и скалы. Горцы говорят: когда тебе тяжело, прижмись щекой к земле — тогда станет легко, снова ты будешь сильным. О какой поэзии может идти речь, если человек не чувствует дыхания земли, не видит над головой облаков и звездного неба? О каком творчестве можно говорить, когда человек теряет уважение к хлебу и воде и перестает чувствовать их вкус? Без любви к земле, к нашему общему дому, без любви к человеку не может быть творчества. Не спасут никакие ухищрения по части стиля, не выручит никакое умение плести сюжет. Все будет мертворожденным.

Я люблю суровый реализм и могучую поэтическую открытость Шолохова, неукротимую земную силу его творчества. Легче жить и работать, когда рядом живет такой большой художник слова.

ЖДИ ВЕСНЫ

Рисунок
А. Тертыша

Олег
ДМИТРИЕВ

Я не люблю, когда часами,
Считаю пенные за труд,
Поставленными голосами
Организованно поют.
И, выделяясь черным фраком,
К себе приковывает взор
Одутловатый дирижер
Отрепетированным взмахом.
Я, лично, — за другое пенье,
Какое за сердце берет,
Когда душа от нетерпенья
Вдруг вырывается вперед,
Когда поешь легко, как птица,
Хотя бы голосом вторым,
А песня ширится и длится,
И лад ее неповторим!
Развертываясь, словно зная,
Летит к людской душе, спеша,
Ее, раскованная нами,
Одушевленная душа.
Пусть хор гремит в парадном
лоске,
Творя посильное добро,
Пусть голоса и подголоски
Переплетаются хитро —
А нам, чтоб песня потрясала,
Чтоб все у нас, как надо, шло,
Одно лишь сердце подсказало,
Одно лишь сердце помогло!

Кричу в порыве откровенья,
Что не вернуть ушедших дней,
Что вьется долгий снег забвенья
Над первой женщиной моей!
Он заметает понемногу
Свинцовый блеск ночной воды,
Степную белую дорогу
И виноградников ряды.
Он заглушает, мягкий, плотный,
Простое тиканье цикад
И ближний городок курортный,
Где джазы весело гремят.
И в этой тихой круговерти,
Непостижима и бледна,
Меня почти по грани смерти
Проводит бережно она.
Я замечаю, воскресая,
Что я один среди камней,
А на дороге — тень косая,
Тень первой женщины моей.
Колеблются другие тени,
И различаю я с трудом,
Как входим мы потом в смятеньи
В давно уснувший белый дом,
Как мы прощаемся у входа...
А дальше — снегом занесло,
И застудила непогода
Неверной памяти стекло.

Уже полузабыты лица
Товарищей ушедших дней,
И снег забвения кружится
Над первой женщиной моей.
Она идет вдоль снегопада,
Как за высокою стеной.
Кричу: «Зачем ты там? Не надо,
Тебе же холодно одной...»
Проходит женщина, не слышит
И не протягивает рук.
На пальцы тонкие не дышит:
Там море, там тепло, там юг...
Она за белою чертою
Мне стала ближе и родней,
И с запоздалой доброотою
Я долго думаю о ней.

Вл. КОСТРОВ

Будет, будет все иначе,
Веселее там и здесь.
Есть весна.
А это значит,
Ждите лучшего, чем есть!..
Из-под леса,
из-под поля,

оголтело, как орда,
выходила из подполья
злая рыжая вода.
Как боец,
готова к дракам,
все сшибала и несла.
По лесам и по оврагам
партизанила весна.
Было что-то в ней мужское,
презирающее ложь.
И березы над рекою
била радостная дрожь.
Били в синие разливы,
как клинки, ее ручьи.
И висели, как разрывы,
в небе черные грачи.
Желоба на балалайке
бренчали до утра,
и, сшибаясь,
словно лайки,
грызлись встречные ветра.
И победно и щемяще
под капельные часы
так беззлобно, по-щенячьи,
на цепях скулили псы.
И взорвались почки яблонь,
сок ударил из сосны.
Все, что скрыто,
станет явным —
жди весны!

Виктор
ГОНЧАРОВ

Вся жизнь в ожидании —
Минута к минуте...
А вы, друг, минете,
Кругом обойдете,
Как та Бригантна,
Светясь, проплывете.
Ах, где мой пуши,
Палите, палите!
Велите вернуться!
Пристать ей велите!
Ужель не вернется,
Не верится даже...
И ткется из солнца,
Из огненной пряхи
Скупое терпенье,
И вертятся луны,
И чайки кричат,
И замерли травы
В подбрюшьях волчат.
И я в напряжении,
Я вас ожидаю,
Я верю,
Не верю.
Что делать — не знаю.
Вся жизнь в ожидании
Минута к минуте.
Вся в поисках счастья
И в розысках сути.
Но счастье не суть,
Это разное что-то.
Смотрите, несут
Осторожно кого-то...
На суд его страшный!
Он так изменился —
Изменил!
От мира
Гвоздями забился.
Ушел отшибком,
Ушибов,
Тревог,
От неба,
От губ
И от горных дорог.
А я ожидаю,
Страдаю,
Живу.
Я солнце глотаю,
Вдыхаю траву.
Сквозь капельки влаги
На веках своих
Я вижу с бумагой
Слетающий стих.
Я весь ожидаю.
Я вас ожидаю.
Я мучаюсь,
Я замерзаю и таю...
Продлите мне муки,
Я сам себе тать...
Но жить — это верить,
Любить, ожидать!

Е. ШИШКОВА,
кандидат технических наук

Рыбы перекликаются очень громко. Однажды сквозь шум работающего дизеля, скрежет лебедки на корабле, стук шагов по палубе нашей маленькой «Балаклавы» записался на случайно включенный магнитофон голос «дневного барабанщика» — звук, хлопающий, как белье на ветру.

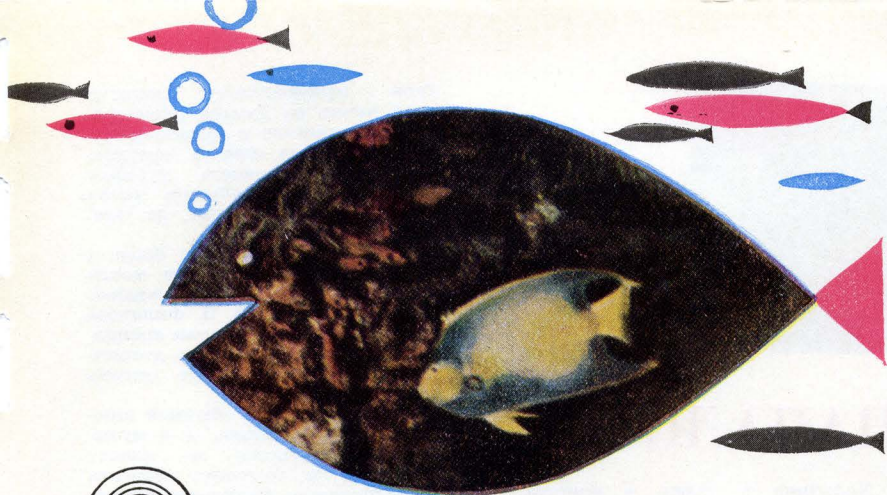
«Балаклава» ходила в Черном море и днем, и ночью, и зимой; в качку в иллюминаторах то небо, то вода. Судно останавливалось, мы опускали в воду гидрофон, начинался режим тишины — без домино, шума двигателей и слесарных работ. Иногда сразу слышали «барабанщиков» — мы еще не знали, что это за рыбы: они то били в одиночку свою дробь, то каждые две минуты вступала хоровая волна.

Зачем наша работа?

Голоса рыб необыкновенны — звуками они ощупывают мир. Это своего рода локационное излучение,

ПОГОВОРИМ С РЫБАМИ

волны, посылаемые очень сильным источником. Бионики сейчас заинтересовались рыбьим «пением». Но не только инженеры ждут от ученых расшифровки рыбьих сигналов. Это нужно и рыбакам. Может быть, в дальнейшем сейнеры просто пойдут на «поющие» косяки. Вот зачем рыбы солируют у нашего микрофона.

АВТОР ИЗВЕСТЕН

В редакции говорили о песне «Гренада», о том, что знаменитое стихотворение Светлова наконец-то обрело естественную музыку и зажило той особенной, независимой жизнью, какая дается лишь настоящим песням.

— Видите ли, это я автор музыки, — сказал Виктор Берковский.

На него поглядели с неодобрением.

— Автор неизвестен. Мы так на все письма отвечаем.

— А может быть, и автор слов неизвестен? — спросил я.

Но мой сарказм не удостоился внимания. Да и стоит ли ехидничать? Песня живет.

Чем мне нравятся песни Берковского? Прежде всего серьезностью, даже максимализмом намерений. Автор не торопится, не делает их просто так. Чтобы специальный «текст» не ставил песню под удар, Виктор тщательно выбирает слова, и всем другим стихам предпочитает такие, в которых звучит гражданская тема. Но Берковский пишет и веселые песни и песни о любви; в таких песнях он тоже верен правде чувства.

Его не смущает, что слова у песни будут «не новые». У него есть песни на стихи Н. Матвеевой, В. Павлинова. Странная история: прежде я и не думал, что мои

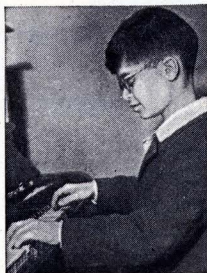
стихи могут стать словами песни, а теперь уже мне кажется, что они не существовали без музыки, которую в них слышал Берковский.

Виктор — металлург. В Запорожье, на заводе, его товарищи и родные; там работал он сам. Со всем недавно Виктор окончил аспирантуру при Институте стали и сплавов. Еще на заводе его внимание привлек один из процессов проката, в котором извекта руководствовались интуицией и опытом умельцев. В диссертации Виктор разработал математический метод, позволяющий находить нужные параметры без всякой интуиции. Защита шла долго и бурно, а голосование было единогласным.

Такие биографии нравятся корреспондентам: землю пошатет, попишет стихи... К сожалению, жизнь показывает, что как хорошие, так и плохие стихи пишут люди с самыми разными биографиями.

Будем, конечно, помнить, что он металлург — это поможет нам лучше представить себе личность автора, а она, несомненно, присутствует во всех его песнях.

Дмитрий СУХАРЕВ

НАЧАЛО

Мальчика в очках, с коротко остриженными, смешно торчащими на затылке волосами зовут Зограб Паремюзян. Садясь за рояль, он неловко кланяется. Играет легко, свободно, увлеченно. Бах, Моцарт.

Бетховен... Потом незнакомая музыка. Музыка, написанная самим исполнителем.

Открытие таланта состоялось недавно. На концерт юного композитора и пианиста, устроенный в зале Ереванской филармонии, трудно было попасть.

Свои музыкальные занятия Зограб начал во Дворце пионеров, потом его приняли в музыкальную школу. Отличная память, приращенная музыкальностью удивили педагогов. То, что обычно детям дается за несколько лет, он преодолевал за месяцы...

Когда Зограбу еще не было и года, он ослеп. Спасти его могла только операция. И вот недавно в Институте имени В. П. Филатова в Одессе мальчику вернули зрение. Врачи обещают, что после вторичной операции он будет видеть лучше.

Зограб учится и в обычной школе, учится на пятерки. А в музыкальной занимается по классу фортепьяно у опытного педагога Кетти Ашотовны Малхасян. Композиции его учит Э. М. Мирзоян.

— У Зограба прекрасные руки, великолепное чувство фразировки и ритма, — говорит Эдуард Михайлович. — Он играет просто, но исполнение его отмечено большой глубиной, богатством чувства. В свои двенадцать лет он написал уже более пятидесяти произведений, и они свидетельствуют о его хорошем вкусе, чувстве формы, гармонии, о его способности развивать музыкальную мысль. Мне нравится его преданность музыке.

Л. КАФАНОВА

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

На 1-й странице обложки: Творчество. Рисунок А. Тертыша.

На 4-й странице обложки: Поступь весны. Фото Г. Копосова, Л. Лазарева, А. Лидова, Б. Минделя.

Художник В. Щапов.
Техн. редактор Л. Петрова.
Режиссер Н. Субботин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая ул., 25.

Телефоны редакции: В 3-73-94,
В 3-74-59.

В 05516. Подп. к печ. 15/II 1966 г.
Формат бумаги 84×108^{1/16}. Бум. л.
0,5. Печ. л. 1. Тираж 250 000 экз.
Заказ 456. Цена 1 руб.

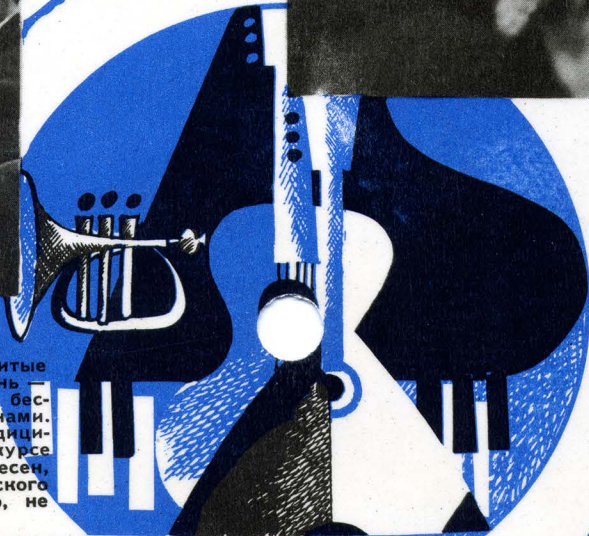
Звуковые страницы изготовлены
Всесоюзной студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

Ордена Ленина типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина.

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЭЗИИ

В тот вечер не пели знаменитые певцы. Пели ребята, чья жизнь — институтские лаборатории и бессонные ночи перед экзаменами. Авторы, выступавшие на традиционном общемосковском конкурсе студенческих и туристских песен, не знают законов гармонического построения и, как правило, не

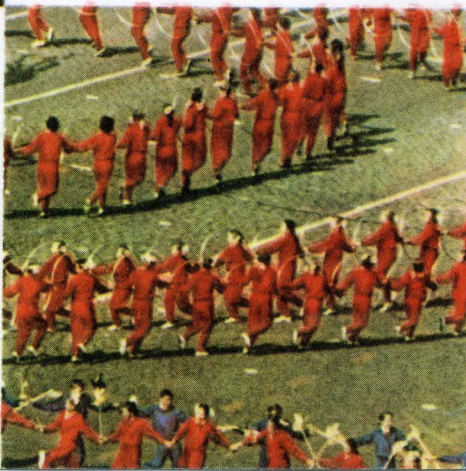
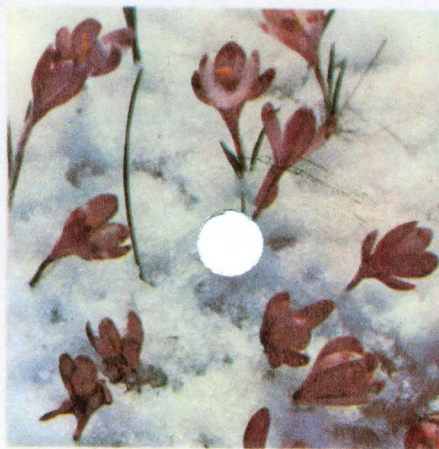

Пластика-цена

знают даже нот. А высказаться необходимо. Рождаются тихие переборы гитары. И звучит:
Я смотрю на Москву.
Через призму поэзии,
Через призму музыки,
Призму любви.
Просто так — на Москву
Просто так — посмотреть бесполезно,
Просто так — ничего не увидите вы...

В. ГЛАДИЛИН
Фото А. Петрова

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. Голоса нашей биографии. Страница звуковой Ленинианы.
2. Товарищ партком. Фонофильм «Кругозора».
3. Тридцать шесть часов из жизни мальчика. Документальный рассказ.
4. Михаил Шолохов. «Они сражались за Родину». Звуковое приложение к собранию сочинений.
5. Играет Сергей Прокофьев.
6. Запись, сохраненная для потомков: за роялем — Ферруччо Бузони.
7. Певица Ирина Подошьян исполняет армянскую народную песню «Моя любовь» и французскую песню «Как ни странно».
8. Поговорим с рыбами...
- 9-10. Сцена — пластинка журнала. Автор песен — металлург В. Берковский: «А на улице апрель», «Дорога». Слова Д. Сухарева; обработка К. Анимова; поют Е. Камбурова и И. Кобзон. Вечер студенческих песен: Ю. Колесников, Г. Иванов — «Песня о «Москве»; А. Городницкий — «Атланты»; А. Дулов, И. Жданов — «Тайга». Исполняют Ю. Колесников, В. Сейнов, А. Дулов. Маленький композитор Зограб Паремузян.
11. Песенные премьеры. «В заколдованном городе». музыка П. Аедоницкого, слова Л. Дербенева, поэт Л. Мондрус. Запись, присланная из Варшавы: «Королева красоты» (А. Бабджанян и А. Горохов); поэт Ежи Поломский.
12. Приглашение к танцу. «Румба», «Импровизация», «Быстрее звука». Исполняют эстрадный оркестр Берлинского радио, квартет «Ритм» и ансамбль «До-ре-ми».

Цена 1 руб.